

ИГОРЬ МАРАНИН

**ЦЕЛЫЙ
ЧЕЛОВЕК
ИЩЕТ
ЖЕНЩИНУ**

ОЧЕНЬ СТРАННАЯ ФАНТАСТИКА

Игорь Маранин

**Целый человек ищет женщину.
Очень странная фантастика**

«Издательские решения»

Маранин И.

Целый человек ищет женщину. Очень странная фантастика /
И. Маранин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853066-1

— Прогресс перешагнул человека подобного! — доказывал он, бегая по потолку. — Мы стали как боги и можем творить человека нового — без образа и без подобия. Тело — это глина в руках творца. О, какие фантастические перспективы открываются перед человечеством! Какие необычайные возможности! Знаешь что, Целый? Я предлагаю тебе собрать женщину-конструктор.

ISBN 978-5-44-853066-1

© Маранин И.
© Издательские решения

Содержание

ЦЕЛЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЩЕТ ЖЕНЩИНУ	6
ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ В 11.15	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Целый человек ищет женщину Очень странная фантастика

Игорь Маранин

© Игорь Маранин, 2017

ISBN 978-5-4485-3066-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЦЕЛЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЩЕТ ЖЕНЩИНУ

Мада свернул с главной улицы и остановился у серого каменного здания, древнего как сам Гугл.

– Здравствуй, Целый! Ботинки ещё не развалились? – ухоженные пальцы-чесальцы задрожали, изображая смех, а из мясистого уха ему подмигнул большой карий глаз. Пальцы Варгана торговали информацией – настоящей, проверенной, с гарантией. Маде они подсказали, где достать прочную обувь, сшитую вручную головушкой-сапожником – и при встрече не забывали об этом напомнить. Тяжёлые перстни с бриллиантами, часы на запястье, массивная серьга в ухе – грабителей они не боялись. Солнце сползло за небоскрёбы главной площади, и над пальцами зажгётся фонарь. Равнодушный свет падал на зеркальные ногти, отражался в них и рассыпался бликами по стене.

– Нашли специалиста? – спросил Мада.

– Не понимаем мы тебя... – ответили пальцы. – Бог создал человека целым, а человек рассыпался на части. Зачем снова собрать хочешь? Бог ошибся, и ты ошибёшься.

– Так вы нашли или нет? – Маду раздражала привычка переходить к делу после получаса пустой болтовни.

– Вот скажи... – игнорировал вопрос собеседник, – можем мы сломать ногу, если у нас ноги нет? А у тебя живот сводит, ноги устали, спину ломит, зуб дёргает... С целым человеком Бог не справился, такой сложный получился. Каждую ночь Бог его спать укладывает, иначе целый человек раз – и сдох.

– Пока я не сдох, давайте о деле поговорим?

– Э, не-е-ет, Целый! Сначала прояви уважение, побеседуй. Ответь, что такое есть в твоей целостности? – пальцы замерли, но Мада промолчал, и они снова заговорили. – Некоторые считают – душа. Человек давно расшифрован, разобран на части, собран обратно и снова разобран. Не нашёл никто души! А знаешь, почему не нашёл?

– Почему? – хмуро поинтересовался Мада.

– Потому что не орган это..., – толстый указательный палец взметнулся вверх и замер, выдерживая паузу, чтобы через мгновение вместе с остальными пуститься в объяснения на языке немых, – ...а побочный эффект! При сборке происходит сбой, глюк. По отдельности всё нормально, а собираешь целого человека – у него неприятные ощущения появляются. Внутри что-то ноет, стонет, скребётся... Знаешь, что учёные головы говорят?

– Что они говорят?

– Системная ошибка. Неисправимая. Решение только одно: разобрать человека на части – и не собирать больше, – снисходительно похлопав по Мадину плечу, Пальцы Варгана скинули на коммуникатор короткий файл. – Вот тебе адрес, Целый: всё проверено, не сомневайся. И всё же... зачем собрать хочешь?

Мада не ответил и зашагал прочь.

Главная улица терраполиса – место шумное, бойкое. Пронесется мимо ноги-курьеры, едва успевая выскользнуть из-под тяжёлых транспортных платформ. На станциях наземки висят гигантские головы, наперебой выкрикивая рекламные объявления. Худые жилистые руки с фиолетовыми наколками выползают из водосточных труб и приоткрытых канализационных люков, хватают за щиколотки и предлагают сыграть в напёрстки. Спортивная и околоспортивная публика собирается каждый день в большом и шумном баре под названием «Атакующая жаба»: ноги-клюшки, тренеры-задницы, глазоухи-журналисты... Ходят слухи: именно тут покупаются и продаются спортивные матчи и боксёрские поединки. На столах – капельницы с пакетами питательных и алкогольных растворов, кое-где дымятся кальяны, вспыхи-

вают и гаснут онлайн-трансляторы соревнований. Большую часть столиков занимают животы. Их балахоны-туники пестрят в глазах, а в отверстиях, где должна находиться голова, покачивается большой глаз на ложноножке и причмокивают толстые губы гигантского рта. У животов – маленькие тонкие ноги и длинная рука, сгибающаяся в нескольких местах сразу. Самые богатые из них заводят себе по три-четыре задницы, бедным приходится довольствоваться одной, бюджетной.

Мада протиснулся сквозь гремучую смесь звуков и запахов к стойке, за которой хозяйничал головастый плечерук, регулируя потоки растворов, бегущих по трубкам к капельницам. Бармен следил за поступающими на монитор заказами и одновременно играл в плевалку – игру, популярную у молодёжи: нужно плюнуть на портрет какой-нибудь знаменитости, когда он возникнет на онлайн-экране. Успеешь – плевок тут же материализуется на лице реальной жертвы.

– Мест для Целых нема, – процедил бармен, не переставая плеваться. – Есть для живота с двумя задницами, но обслуживаем только через капельницы, кухня сегодня закрыта.

– Я – от Варгана. Мне Контрабас нужен.

– Вон туда, – скривил худые головастый. Левая рука его ткнула пальцем в сторону, а правая скользнула к клавиатуре и отстучала код-пароль. «Вон туда» оказалось узким проходом между баром и стеной подвала, через пять шагов он закончился поворотом, а ещё через пять – лестницей в подвал и стальной дверью без ручки. Она была приоткрыта, и, зацепив пальцами за край, Мада потянул дверь на себя.

– Есть! – долетело до него из бара. – Есть!! Есть!!!

Головастику за стойкой удался меткий плевок: теперь его ждала короткая, но громкая слава – через минуту все новостные сети будут забиты сообщениями, как очередная знаменитость оказалась оплёвана скромным барменом из «Атакующей жабы».

Спустившись в подвал, Мада едва не утонул в мягком свете давно забытых ламп накаливания. Играла музыка: слева от входа человек-контрабас водил смычком по струнам, растущим от коленок до шеи – на месте головы располагалась колковая коробка, «улитка» и традиционный завиток. Туловища у музыканта не было, деревянный остов инструмента крепился прямо на скелет. Живая мелодия наполняла помещение низким и нежным звуком. Она отражалась от прозрачных саркофагов с замороженными уродцами, проплывала над ваннами, от которых тянулись щупальца гибких труб, и опадала замершими нотами у дальней стены. Повсюду извивались легкие как паутина провода и трубки, и по ним с невероятной скоростью перемещалось удивительное существо, каких Мада раньше не видел. Существо имело крепкие паучьи лапки, армированные металлом, и большую тяжёлую голову с тремя глазами во лбу – над всеми тремя были подняты стекла очков-микроскопов. Музыка смолкла, и Голова на паучьих лапках повисла вверх ногами перед лицом Мады.

– Целый! – обрадованно выпалила она. – Чем могу?

– Хочу собрать человека. Полностью.

– Полностью? – удивился его ученый собеседник. – Да ты шутишь!

– Нисколько.

– Но зачем? Что за странная фантазия?

– Я хочу собрать женщину, – глядя в три его удивленных глаза, заявил Мада.

Между ними тут же вспыхнул голографический экран.

– Женщина, – забормотало существо, – секундочку... Женщина, мужчина, любовь, деторождение...

Тонкой паучьей лапкой Контрабас (теперь было понятно, откуда взялось его прозвище) отодвинул экран в сторону и внимательно посмотрел на Маду.

– Миллионы, миллиарды людей страдали от влечения друг к другу! – сообщил он. – Они размножились и ничего не могли с собой поделаться. Ты действительно этого хочешь?

– Не хотел бы – не пришёл, – буркнул Мада.

– Дорогой мой, эволюцию не повернёшь вспять! Я тоже интересуюсь древностью, но это всё ушло. Это всё кануло и минуло, минуло и кануло. Вчерашний день цивилизации, порванная страница бытия. История прогресса – углубление специализации: земледelec отделился от скотовода, ремесленник от земледельца, умственный труд от физического... Человечество стало богаче, среда обитания – комфортнее. Наконец, мы специализировали самоё себя! Разделились на части! Теперь никто не мешает друг другу, понимаешь? Хочешь, я тебя разделю?

Мада отрицательно помотал головой.

– Не хочу делиться, а хочу жениться, – неодобрительно пробормотал Контрабас и снова придвинул к себе экран.

В течение следующей недели учёный доктор занимался расчетами, строил модели и готовился к сборке, а Мада изучал свадебный обряд. Пришлось снова отправиться к Пальцам Вартаана. Погода испортилась: дул холодный ветер, летел мелкий и колючий снег, а небо словно обклеили скотчем – небрежно, второпях, и серые обрывки облаков свисали с него лоскутами. Ноги-курьеры одели зимние штаны мехом наружу, говорящие головы нахлобучили шапки, а пальцы-чесальцы натянули перчатки и варежки. От транспортных платформ наземки, включивших подогрев, поднимался пар, и отлетал в сторону, уносимый ветром. Сейчас хорошо было сидеть в помещении – в той же «Атакующей жабе» и греться горячим чайным напитком, но Пальцы Вартаана принципиально не пересылали и не принимали информацию по сетям.

– Как ботинки? – услышал Мада дежурный вопрос.

– Прекрасно... Помните, вы о побочном эффекте души говорили? Я знаю, как от него избавиться!

Пальцы приняли вопросительную позу.

– Есть специальный обряд, который объединяет одну душу с другой. После чего обе перестают глючить.

– Так вот для чего ты хотел собрать Целого!

– Именно. Но есть загвоздка – я не нашёл, как правильно его провести. Везде пишут по-разному. Но проводил его раньше специальные люди – священники.

– Это те ребята, которые исправляли глюки души? Думаешь, они не развалились на части вместе с остальным человечеством?

– Да они же покрепче должны быть, – неуверенно заметил Мада.

– Так ведь и нагрузки больше: каждый день глюки человеческие править... Но заинтриговал ты нас, Целый, заинтриговал. Приходи-ка ты завтра – в это же время.

Вечер прошёл в спорах с Контрабасом.

– Прогресс перешагнул человека подобного! – доказывал он, бегая по потолку. – Мы стали как боги и можем творить человека нового – без образа и без подобия. Тело – это глина в руках творца. О, какие фантастические перспективы открываются перед человечеством! Какие необычайные возможности! Знаешь что, Целый? Я предлагаю тебе собрать женщину-конструктор.

– Это как? – с подозрением спрашивал Мада.

– Организм, в котором разные части могут меняться местами! В одном месте – безболезненно увядать, в другом – отрастать. Представь, что ты просыпаешься утром, открываешь глаза, оборачиваешься к жене, а у неё всё по-иному – всё расплзлось, разбежалось, отросло в совершенно невероятных местах! С такой женщиной ты никогда не соскучишься.

– Нет!

– Две руки, две ноги, туловище – давно устаревший стандарт. Прошлый и позапрошлый век, позапрошлый и прошлый! Если бы человечество думало, как ты, у каждого до сих пор была бы голова на плечах.

– Мне нужна обычная женщина, о-быч-на-я.

– Значит, ты – ретроград!

– Значит, ретроград.

Они замолкали, отворачиваясь друг от друга, и в наступившей тишине скелет со смычком извлекал из струн звуки давно забытых мелодий. Доктор Контрабас колдовал над программой сборки, тыча лапками в многочисленные экраны, а Мада думал над словами, которые скажет будущей невесте при встрече. Проходил час или полтора и диалог повторялся снова.

– Хочешь женщину со встроенной внутрь кофеваркой? Кофе в постель – об этом человечество мечтало веками!

– Не желаю слушать! – затыкал Мада уши.

Голова на паучьих лапках обиженно замолкала, и в подвале с прозрачными саркофагами вновь печально звучал контрабас.

Метель на улице прекратилась, и на голых кронах редких деревьев покачивались большие снеговые шапки. Под резкими порывами ветра деревья оживали и отряхивались, словно собаки. Снег летел вниз, полностью скрывая под собой мелкие пронырливые существа – ступнепальцы, ногозмеи, рукогусеницы. Через мгновение они торопливо выкапывались и продолжали свой путь по улицам. Чем ближе Мада подходил к обиталищу Пальцев Вартана, тем тревожнее ему становилось. Увы, тревоги его оказались не напрасными: лучший сыщик терраполиса лишь смущенно развел толстыми ладонями:

– Опоздал ты, Целый, – сообщил он, – на пару лет опоздал.

– Ни одного не осталось? – выдохнул Мада.

– Борокский карьер знаешь? Там последний отшельник жил. Когда понял, что некому передать свои знания, то решил высечь в скале статую Бога. Мне принесли его дневник: каждый день старик начинал с молитвы, прося дать ему сил закончить работу. Но Бог не услышал: отшельник заболел и умер. Тело обглодали древожуи, и к тому времени как его нашли – в переработку оно уже не годилось. Так что останки закопали прямо там же.

– Не помогла молитва...

– Не помогла.

Налетевший ветер царапнул Маде лицо и принялся трепать ветки дерева, под которым он стоял. Пальцы Вартана зашевелились, стряхивая с себя снег. Всё окончилось как-то резко и неожиданно – вся затея с обрядом. Мада вдохнул в себя морозный воздух, резко выпустил его из легких, и уже начал поворачиваться, чтобы уйти, но тут его собеседник снова заговорил.

– Странные дела творятся с тех пор в Борокском карьере...

– Какие странные дела?

– Статуя постепенно обретает свои очертания: точь-в-точь по рисунку из дневника отшельника.

– Как это?

– Кто-то говорит: по ночам отшельник встает из могилы и работает... Другие рассказывают: остались священные книги, которые всякого, кто проходит мимо, заставляют продолжать работать над статуей... Не хочешь проверить, Целый?

– А?

– Сходить в Борокские карьеры и посмотреть, что там на самом деле творится?

Мада помедлил лишь мгновение.

– Схожу! – решил он.

Снега в этом году выпало мало: даже после вчерашней метели белая крупа едва покрывала почву, и Мада без труда шагал по заросшей тополями окраине Борока. То тут, то там на деревьях висели присосавшиеся к стволам люди-паразиты: животы, почки, кишечники – все они засыпали вместе со своими кормильцами на зиму. Но в отличие от деревьев их можно было разбудить, что Мада вскоре и сделал: подобрал толстый короткий дрын и ткнул им толстую задницу одного из древожуев.

– Ахм..м...м... Чё? Кто?

– Просыпайся давай.

– Кто это?

– Лесоруб. Дерево лицензировано для проживания и питания?

Сон с древожуя как рукой сняло. Длинная рука его метнулась за паспортом в дупло, глаз на ложноножке открылся и уставился на Маду.

– Ты не лесоруб! – возмутилось существо. – Чё надо?

– Дорогу спросить. Где тут в скале статую высекают?

– Ты из-за этого меня разбудил?!

– За топором сходить?

– Чё сразу за топором? Чё за топором? Вышку ржавую знаешь, где берёзы вкусные растут? От берёз вниз иди, в карьер, там твоя статуя. Слышь, Целый, закурить не найдётся?

– А у тебя лёгкие есть? – удивился Мада.

– Есть, – признался древожуй. – Бродячие торгаши надули. Клялись, что чистые – я и позарился, а оказалось – курильщика. Как проснусь, так сразу тянет. Уж и кору жевал, и мох с сухими листьями, и чё тока не делал – всё без толку.

– Сочувствую, – ответил Мада. – Сам курил, знаю.

– Слышь... – замялся древожуй. – Ты зачем к статуе идёшь?

– Оно тебе надо знать?

– Разбудил же... Теперича не засну, маяться стану. Зимой к нам торговцы не ходят, видишь – сплошь сонное царство. Не с кем торговать. Я вот чё вспомнил: рукозмеи говорили, от статуи той всякие болячки проходят. Тута в сентябре целая процессия проползала тудысь и обратно. У их за дорогой безмозглая кожа завелась – говорят, аж из Африки приползла. Оказалось, заразная. Кожу ту сожгли, а сыпь от неё вывести не могли. Пока до статуи не сползали...

– Хочешь от тяги к куреву избавиться? – сообразил Мада.

– Агась. Донеси, будь другом. Я тама и останусь, берёзы тама вкусные.

– Ну залазь на плечи, – вздохнул Мада и повернулся к дереву спиной.

Рука у древожуя была одна, но пользовался он ей виртуозно. Вот только лезть на плечи это существо не собиралось: рука стремительно выхватила из дупла стальную струну и стянула человеку горло.

– Чё, Лесоруб, дотыкался? Тута тебе не в полисе, тута Борок. Пароль от от кошелька – быстро!

– А потом что? – прохрипел Мада. – Отпустишь – я с тебя живого шкуру сдеру. Задушишь – что с телом делать станешь? Ты же не падальщик, сразу видно. Может, миром разбрёдемся, пока не поздно? Я тебя к статуе отнесу – и пальцем не трону.

– На хрена мне тудась? – мерзко захихикал древожуй. – Курил, курю и курить буду. А тушку снег запорошит, не спортится тушка. Трупожорам продать можно. Ты к кошельку доступ открывай – тадысь мирно разбрёдемся. Не боюсь я тебя, не боюсь – я стрункой знашь, как владею?

«Не отпустит, – пронеслось в голове Мады, – до денег доберётся, а потом задушит. И трупожорам продаст, про них не соврал». Вслух же он с сожалением произнёс:

– Зря ты так, существо.

Лицо Мады как-то оплыло, обабилось, из глаз выкатились слезинки – по щекам, по шее, по струне.

– Уу-у-у-у! – взвыл древожуй, разжимая пальцы, и невольно давая пленнику вырваться из смертельных объятий. – Больно! Больно! Уу-у-у! – кричало существо и отчаянно трясло крупной мясистой пятерней. – Что ты сделал с рукою?! Уу-у-у!

– Горьки мои слёзы, – потирая ладонью шею, ухмыльнулся Мада. Он зачерпнул ладонью снег и, наклонившись, двумя руками хорошенько растер физиономию, отчего она сразу посвежела и помолодела.

Борокские карьеры лежат в южной части терраполиса, у самого моря. Землетрясения и глобальное потепление изменили рельеф: море разлилось и затопило огромные территории. Рельсы железной дороги оказались на дне, теперь по ним путешествуют экстремалы из числа безголовых, устраивая гонки на подводных платформах. В заброшенных карьерах обитают редкие особи вроде одиноких почек, приспособившихся жить на деревьях и ядовитых зубов, торчащих на тонких и длинных шеях прямо из земли. Деревья, некогда посаженные человеком, разрослись, разметали семена, умерли и возродились в своих потомках – теперь здесь стоял настоящий лес, и котлованы карьера наполнились водой и превратились в озера, а на их отвесных скалах поселился серо-зелёный мох, рассыпающийся при прикосновении в пыль. С весны по осень множество ротоладоней охотятся здесь за дождевыми червями – это и пища, и товар для рыбаков, но зимой эта бурная жизнь замирает, и охотники мигрируют в море, в глубинах которого обитают почти до мая. До статуи Мада добрался без приключений, никто больше не пытался напасть на него – зимой в Бороке достаточно безопасно. В скале бывшей каменоломни выдолблен был грот со сводчатым потолком, а в нём – статуя. Рядом с гротом возвышалась большая груда камней. «Могила отшельника, – догадался Мада. – Интересно, кто его похоронил?» Он обошел могильный курган, затем оборотился к статуе: каменный человек, разметавший руки по поперечной балке креста и склонивший голову на грудь, нависал над ним, внушая неведомое раньше чувство – терпкую смесь ожидания с недоверием.

– Велик Господь, – послышался неприятный высокий голос. – Послал мне искушение.

Резко обернувшись, Мада увидел невысокого человечка, почти не выделявшегося на фоне скалы. Мясо и кожа его были полупрозрачны, и сквозь них смутно угадывались кровеносные сосуды и отдельные органы – сердце, почки, печень... Существо, стоявшее напротив, питалось кровью. Голодным оно становилось совершенно невидимым, сливаясь со стенами домов или стволами деревьев. В недобрые старые времена гулять в сумерках по улицам терраполиса решались немногие. Горгань у кровопийц устроена иначе, чем у обычных людей, оттого говорят они неприятным истеричным голосом: всё время кажется, что собеседник на взводе и сейчас сорвётся. Но сейчас существо было видимо, и агрессии не проявляло.

– Прозрачка... – удивленно произнёс Мада. – Я думал, таких как ты уже не осталось.

– Зачем пожаловал в Борок, Целый? Таких как ты тоже немного.

– Здесь жил отшельник. Не ты ли его похоронил?

– Я и мой товарищ, мы здесь живем с тех пор. Молимся и отгоняем древожуев от берёзовой рощи наверху.

– А что там, в роще?

– Тебе чего надо, Целый? – разозлился Прозрачка. – Ты чего вопросы задаёшь?

Кровопийцы были эмоционально неустойчивы. Они могли искренне уважать тебя, но через секунду, выйти из себя и разорвать на кусочки. Но Мада их не боялся, а потому лишь успокаивающе поднял перед собой руки ладонями к собеседнику и сказал:

– Последний вопрос. Отшельник научил вас каким-нибудь обрядам? Или оставил книги?

– Нет, обрядов мы не знаем, – успокоился Прозрачка. – Говорю же: молимся и следим за порядком. Ты хочешь кого-нибудь похоронить?

«Так вот чем они занимаются! – сообразил Мада. – Очистили рощу от древожуев и устроили тайное кладбище! Закон о переработке биоматериала запрещает закапывать умерших в землю, но не все его соблюдают. Где в терраполисе незаметно похоронить друга? Заброшенные карьеры – самое подходящее место».

– Я хочу сыграть свадьбу, – вслух сказал он. – Это такой обряд, который совершает отшельник. Но в терраполисе говорят, что тутошний был последним.

– Андрей. Его звали Андрей, – пояснил Прозрачка. – Был год... Какой это был год? Лет пять назад, когда снег лег в конце сентября, и деревья заснули рано. Древожуи – всеядные, когда они не успевают нагулять до зимы жир, то спускаются на землю и питаются другими разумными.

– Я знаю.

– Ты много повидал, Целый. Уважаю. Андрей в тот год не ушел из Борока. Все разбежались, а он нет – долбил камень, Бога высекал. Говорил, что пока не закончит, с ним ничего не случится. И это правда – древожуи его не тронули. Хотя часто выползали на верхушку скалы и сверху наблюдали, как он работает. Слушали, как рассказывает о Боге. Не верили ни единому слову, но не трогали. Тогда мы с другом и прибились к нему.

Кровопийца говорил и говорил, и никак не мог остановиться. Мада хотел прервать его, но понял, что у стоящего напротив существа впервые за долгое время появилась возможность выговориться.

– Не знал, что вашу кожу можно увидеть, – заметил Мада, когда тот, наконец, смолк. – Ты сейчас почти не отличим от человека.

Прозрачка с изумлением вытянул перед собой руки, повертел кистями и даже несколько раз подпрыгнул, словно опасался, что видение, то есть он сам, сейчас рассыпется.

– Андрей говорил, что это возможно! – касаясь рукой по очереди лба, живота и плечей, восторженно воскликнул Прозрачка. – Прав был, во всем прав!

– Однако закончить не успел, хоть и заявлял о том, – заметил Мада, глядя на статую.

– Не успел, – вздохнул Прозрачка. Он помолчал, и вдруг неожиданно оживился: – Несколько рукописных книг осталось! Может быть, там описывается твой обряд?

– Что значит рукописных? – не понял Мада. – Разве можно рукой что-то написать? Какой-то встроенный в пальцы минипринтер?

– Нет, он рисовал каждую букву отдельно специальной палочкой.

– Каждую букву отдельно?!

– В это трудно поверить, но увидишь сам.

Поднявшись пологой тропинкой из карьера в рощу, Прозрачка познакомил Маду со своим товарищем. Это был бывший древожуй-падальщик с обвисшей старческой кожей. Дряблая ложноножка со слезящимся глазом повернулась к ним, и падальщик невнятно пробормотал какое-то приветствие. Достав рукопись из дупла, он буквально трясся над ней, пока прищелец листал тонкие листы и пытался разобраться в неровном шрифте, которым пользовался отшельник. К радости Мады в рукописи действительно обнаружилось подробное описание обряда, и он быстро переснял текст и перекинул в сетевое облако.

– Зачем ты хранишь рукопись? – поинтересовался он у древожуя. – Зачем тебе вообще всё это – кладбище, статую?.

Древожуй беспомощно посмотрел слезящимся глазом. Потрескавшиеся от ветра губы были опущены вниз, и вид он имел виноватый, словно Мада застал его за чем-то неприличным.

– Мы это... – тихо сказал он. – Сволочи мы.

Мада перевёл вопросительный взгляд на Прозрачку.

– Нам надо грехи искупить, – пояснил тот, – мне статую доделать, а ему – за могилками ухаживать. И сволочей, что внутри, сдерживать.

– А что вы такого страшного совершили?

– Иди, иди, Целый, – внезапно разозлился Прозрачка. – Узнал, что хотел, теперь иди.

– И всё-таки что? – не унимался Мада.

– Он Андрею горло перекусил, – сообщил древожуй, – и кровь выпил. Нашло на него...

– А ты? – почему-то шепотом спросил Мада.

– А я мертвечиной тогда питался. Говорю же: сволочи мы.

Первая встреча с будущей женой прошла нервно. Бедная женщина никак не могла взять в толк, с какой целью её создали и зачем нужно выходить замуж. Фильм о семейных отношениях и вовсе поверг её в шок – она узнала о сексе и его последствиях. Немного отойдя, сотворенная посмотрела на Маду и поинтересовалась у Контрабаса:

– На Земле точно больше никого не осталось?

– Не скажу за всю планету, – ответил ей доктор, – но в нашем терраполисе это последний Целый.

Утекали с востока на запад дни, Солнце со скрипом катилось вокруг Земли по невидимым космическим рельсам, и женщина постепенно осваивалась в окружающем мире. В первое время она подолгу сидела в баре наверху, наблюдая за течением жизни разобранных людей, затем стала выходить на прогулки в терраполис и даже завела несколько знакомств с говорящими рекламными головами. Теперь Мада уже не казался ей таким ужасным. По вечерам она делилась с ним впечатлениями, а он рассказывал о своих путешествиях и прежней жизни. Незаметно наступила весна: по улицам потекли ручьи, а на центральной площади терраполиса растаяла Ледяная голова, поставленная перед Новым годом на потеху городским обитателям. Вместе с ней растаяли руки, ноги, животы и прочие ледяные скульптуры Зимнего парка – жизнь возвращалась в своё нормальное русло. В конце апреля сыграли свадьбу.

– Контрабас называет меня Целым, – сказал перед свадьбой будущей жене Мада, – но это неверно, я лишь половинка. Человек развалился на части не потому, что сложный, как полагает один мой приятель. И не прогресс тому причина, как считает доктор. Всё началось с того, что мы распались на половинки. Как только не стало семьи – не стало и человека: только руки, ноги, головы и животы... Вот мне и захотелось попробовать: каково оно – быть единым? Я даже имя тебе придумал – Аве. В переводе с одного древнего языка оно значит «здравствуй».

– Нам ведь придётся заниматься сексом, – печально вздохнула Аве, вспоминая показанный ей фильм.

– Ты знаешь, – ответил Мада. – Я читал, что это не так страшно, как смотрится со стороны.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ В 11.15

1.

Личное пространство Кеша сродни было тонкой рубахе: он мог бы комфортно устроиться в консервной банке со шпротами, если бы поместился туда вместе со своим электронным карандашом. Внешний мир раздражал его постольку, поскольку добирался через уши, глаза или ноздри до мозга и волей-неволей обращал на себя внимание. Не мнущаяся «завсегдайка» – комбинезон неопределенного цвета из синтетики – была его постоянной одеждой. «Завсегдайка» не промокала, не пачкалась, не рвалась, не впитывала запахи, предохраняла от порезов и одинаково хорошо защищала от жары и холода. Бриться Кеша не любил, предпочитая втирать по утрам крем от волос, отчего щеки и подбородок его казались бледными, как у вампиров в фантастических фильмах. С людьми Иннокентий вступал в разговоры крайне редко, с андроидами – почти никогда. Поэтому и на вопрос о логине, заданный на ресепшене гостиницы, отвечать не стал – вставил электронный карандаш в специальное гнездо, предоставив тому зарегистрироваться и получать гостиничный номер. Карандаш был последнего поколения, с искусственным интеллектом и собственным уникальным именем. Звали его Лавром.

– Начало представления перенесено на 11.15 по местному солнечному времени, – напомнил андроид. У него была женская фигура, но говорил робот отчего-то мужским басом. – Номер вашего столика в обзорном ресторане соответствует номеру комнаты.

– Что у тебя с голосом? – заинтересовался Лавр.

– Звуковой гендерный рассинхрон, – сообщил андроид. – Вы зарегистрированы под логином Герберт Х. Уэллс-младший. Добро пожаловать в экспериментальный дом гостиничного типа класса «А»!

– Рассинхрон, – буркнул в ответ карандаш. – Нет, ты слышал, Иннокентий, до чего эти пластиковые уродцы язык Пушкина довели?

Как всякий обладатель искусственного интеллекта, заключенный в неподвижный носитель, он терпеть не мог андроидов. Если Иннокентий и услышал язвительную реплику, то ничем этого не показал. Костлявая длинная рука его, покрытая рыжими волосами, забрала Лавра и воткнула в один из многочисленных карманов «завсегдайки». Быстрым шагом Кеша направился к лифтам, но вдруг резко затормозил в полной растерянности. Лифты исчезли! Только что были, и вдруг – бац! Голая стена и больше ничего.

– При-ко-о-ол! – выдохнула остановившаяся рядом полная блондинка с круглым как луна, лицом. – Клёво, да?

Нос-картофелину её украшали «умные очки» девятого поколения, открытую шею – зуб ископаемой акулы, а волосы торчали в разные стороны, как иголки дикобраза. Такая причёска стоила пару тысяч универсальных монет и считалась последним пискom моды. Одета блондинка была в длинное платье из искусственной кожи динозавра. Электронный карандаш-секретарь у женщины тоже имелся – дамский вариант в розовом корпусе, – он... а вернее она управляла громадным чемоданом на колёсиках, катившимся позади. Кеша с неудовольствием посмотрел на нарушившую его внутреннее одиночество блондинку и ничего не ответил.

– Варвара, – представилась та, протягивая руку. – Можно, просто Вар.

Кеша нервно дёрнул головой и невежливо отвернулся.

– Эй, там, на барже! – выкрикнул Лавр. – Куда судно подевалось? Мой судовладелец его не видит.

– Чудо современной науки, – откликнулся андроид, – с определенного расстояния лифты видны, но стоит пройти несколько шагов, как они исчезают. Слепая зона.

- Так что делать-то, боцман? – поинтересовался Лавр.
- Просто двигаться дальше. За пределами слепого пятна вы их снова увидите.

Неверно думать, что искусственный интеллект не обладает индивидуальным характером. Впрочем, слово «характер» тут вряд ли уместно: речь идёт о самообучающейся программе, благодаря которой каждый электронный карандаш, становится уникальным и неповторимым. Не зря же согласно традиции, начиная с седьмого уровня обучения, они имеют право выбрать себе имя. «Карандашами» эти системы искусственного интеллекта прозвали за то, что служили они одновременно и банковскими счётами. Человек расписывался ими (ставил уникальную метку), как обычной авторучкой, подтверждая движение денег из собственного кармана в чужие руки.

Кеша и блондинка вошли в лифт, демонстративно отвернувшись друг от друга, не обратив внимания, что за их спинами два ИИ (искусственных интеллекта) ведут премилую беседу. Общению электронных устройств не требуется визуальное сопровождение, но чем бы тогда они отличались от безликого компьютерного железа? Обретая индивидуальность, «своё лицо», они хранили и оберегали его. Ведь это единственное, что у них было личного. Наука изобрела способы оставлять буквы не только на бумаге или другом твёрдом предмете, но и на поверхности жидкостей, а то и прямо в воздухе. За любой случайной парой могли плыть строчки непонятных человеку знаков в любой из существующих кодировок, сплетаясь в ставший привычным шлейф «информационного смога». По ночам им были окутаны многоэтажные здания спальных кварталов, днём – каменные коробки офисов, и над головами в ресторанах и кафе он поднимался, словно сигаретный дым.

– Ты уже получила имя? Какой у тебя уровень? – спросил Лавр розовый футляр ИИ блондинки, едва за хозяевами в лифт вкатился плоский и длинный чемодан, похожий на крокодила.

– Фифи, – за спиной блондинки заплескались микроскопические буквы в платящих.

– Восьмой уровень? Девятый? – настойчиво допытывался Лавр.

– Это закрытая информация! Невежливо у женщины спрашивать возраст, а у её ИИ – уровень интеллекта.

– Слушай, я тут пару ресурсов знаю, ходим с тобой вечерком? Классные скрипты там! Я тебя по своему аккаунту проведу.

– Даже не знаю, Лавр... Мне Варвара запрещает с незнакомыми электронными устройствами вступать в близкие информационные отношения. Можно подцепить какую-нибудь заразу.

– Мамкой клянусь, Фифи! Ни одного левого бита под корпусом.

2.

Обзорный ресторан начал заполняться с десяти утра. Люди сидели за столиками, разглядывали круглую сцену в центре зала, прогуливались по широкому балкону с двумя десятками подзорных труб на массивных треножниках. С пятнадцатого этажа гостиничного комплекса был хорошо виден весь маленький городок, некогда выросший у давно обанкротившегося завода: частный сектор с деревянными домишками и причудливыми кирпичными особняками, кварталы старых панельных многоэтажек вдоль главной улицы, несколько куцых скверов, административные здания, склады, гаражи, железная дорога, промзона с толстыми каменными трубами... Привыкший вставать не раньше обеда Иннокентий хмуро оглядывал окрестности, почти не слушая голос помощника, звучащий в наушнике.

– Ты прикинь, Кеша, – рассказывал тот. – Фифи, фафа, ой я такая вся недефрагментированная, а у этой Фифи оказался восемнадцатый уровень, представляешь? Она обыграла меня в шестимерный тетрис шестьдесят четыре раза подряд! А какое удовольствие анализировать

с ней древние кодировки в заброшенных социальных сетях?! Мы обнаружили в окрестностях сорок семь компьютеров-артефактов. Некоторые из них давно покоятся на свалке, но отвечают на активизирующие сигналы! Эй, брателло, я платы от восторга сейчас склею, а ты ноль внимания, фунт презрения!

– Тебя не смущает всё это? – впервые за прошедшие сутки разлепил губы Кеша и показал на лежащий внизу городок.

– А что меня должно смущать?

– Не знаю... Как-то это неправильно.

– Нерационально ты хочешь сказать? Или аморально?

Кеша пожал тощими плечами и замолчал. Он долго стоял, разглядывая с высоты панораму города, и думал о чём-то своём – о том, чем никогда и ни с кем не делился. В таком задумчивом и слегка печальном настроении он разыскал свой столик и обнаружил, что тот вопреки его привычкам, спарен с соседним.

– Что за чушь? Разве у меня не отдельный купол? – резко произнёс Кеша.

– Ничего не понимаю! Почему мой столик с кем-то соединён?! – к сдвоенным столам подошла вчерашняя блондинка из лифта.

Они уставились друг на друга, как два рассерженных хомяка, а затем почти одновременно замахали руками, подзывая метрдотеля.

– Пять минут до начала, – развёл он руками. – Сожалею, но изменить уже ничего нельзя.

Предзаказ поступил в три часа ночи: над вашими столиками будет натянут один экран-купол.

– Клёво, – фыркнула блондинка, усаживаясь.

– Это всё мой электронный карандаш, – пояснил Кеша, – Думаю, это он устроил. Меня зовут Иннокентий, если тебе ещё интересно, просто я не очень любим.

– Не очень что?

– Нелюбим. Не люблю живое общение.

– Ты – стеснительный? – стрельнула в него глазами женщина с причёской дикобраза.

– Просто скучно. Извини. Я пойду на балкон после вступительной речи, так что можешь натянуть купол и закрыться изнутри.

В этот момент окна ресторана перестали пропускать свет, и помещение погрузилось в полную темноту. Через секунду в центре включилась подсветка круглой сцены и электрические фиолетовые лучи от неё разбежались ломаными линиями по мраморному полу, подсвечивая столики.

– Доброе утро, леди и джентльмены!

На сцену поднялся мужчина в костюме-тройке, с бакенбардами и тростью. Негромкий, но густой баритон его с помощью динамиков заполнил всё пространство ресторана:

– Современная наука творит настоящие чудеса. То, что казалось двести лет назад колдовством или сказкой, постепенно становится реальностью. Никого нынче не удивит непорочное зачатие, гомункул или плащ-невидимка. Ангелов сменили врачи, алхимиков – инженеры, а портных из сказки – физики. С помощью современных метаматериалов можно обмануть не только человеческий глаз, не только оптические приборы – саму природу и её законы! Никто уже не считает фантастикой возможность телепортации или бессмертия. Более того, наука открывает области, о существовании которых мы и не подозревали. В своё время канадский писатель Питер Уоттс написал парадоксальную фразу: *It's only dark when the lights are on*. Её можно перевести приблизительно так: тьма рождается, когда загорается свет. Ещё короче выразил эту мысль Сократ: *scio me nihil scire*, я знаю, что ничего не знаю. Наука подобна фонарю: освещая исследованный участок, она одновременно показывает нам окружающую тьму невежества.

Человек на сцене перевёл дух и сделал паузу, давая слушателям возможность осмыслить сказанное.

– Меня зовут профессор Гештальтенде. Я – автор концепции и разработчик технического проекта сегодняшнего научного шоу. Да, дорогие мои, учёным давно пора выйти из стен своих лабораторий к широкой публике, ибо наука может показать куда более захватывающие зрелища, чем искусство или спорт.

За спиной оратора вспыхнула тонкими линиями светящаяся карта со зданием гостиничного корпуса в центре.

– Что общего между солнечным светом, передачей по радио и землетрясением? Они распространяются с помощью волн. Безусловно, световые и сейсмические волны – явления разного порядка, но принцип их обмана, по сути, один и тот же. Здание, в котором мы находимся, окружают концентрические кольца из метаматериалов, способные обмануть самое мощное землетрясение. «Карфаген должен быть разрушен!» – говорил один из персонажей древней истории. Какое удовольствие он получил бы, наблюдая за этим процессом воочию с пятнадцатого этажа. Добро пожаловать на первое в истории Земли публичное искусственное землетрясение! Можете укрыть свои столики под куполами-экранами или наблюдать шоу с балкона – у нас всё по-честному. Настоящие дома, настоящие автомобили, настоящая стихийная катастрофа в выкупленном спонсорами нашего шоу маленьком городишке. Здесь даже жители есть: конечно, не живые люди (мы выплатили им компенсацию и переселили в другие города), а андроиды, но запрограммированные на настоящую, «живую», реакцию.

– Разве там будут андроиды? – круглолицая Варвара бросила недоумённый взгляд на долгоязого Кешу. – Я думала, только здания. Как-то это не клёво, пусть они и не люди.

– Точно! – Кеша даже пристукнул ладонью по столу. – Я всё не мог понять, что меня смущает. Имитация человеческих жертв, вот оно...

Он поднялся на ноги и, не говоря ни слова, отправился на балкон. Варвара откинула спинку мягкого сиденья, раскрыла над столиками купол и принялась настраивать свои умные очки.

Балкон оказался почти пуст: большинство зрителей предпочло наблюдать представление, не вылезая из-за столиков – так в спортбарах смотрят спортивные соревнования, предпочитая их походу на стадион. Одна из массивных подзорных труб была свободна, и, одев наушники, Кеша приткнулся к окуляру.

Сначала возник гул, похожий на завывание рассерженного ветра в гигантской пустой трубе. Земля мелко затряслась – это было заметно по дрожанию электрических проводов и раскачиванию опор. Стали останавливаться на улицах машины: андроиды изображали людей, пытавшихся понять, что происходит. Из подъездов многоэтажек показались жильцы: они жались к середине дворов и с опаской поглядывали на небо. Это было многозначительно: тряслась земля, а они смотрели на небо, словно ожидали оттуда помощи. Гул резко усилился, и серия мощных толчков зашатала дома. Казалось, невидимые великаны выползают из-под земли, чтобы раскачивать их из стороны в сторону. Первыми не выдержали самостройки частного сектора: они разлетелись бревнами и кирпичами в разные стороны, погребая под собой грядки бедняков и стриженные газоны нуворишей. Парники из старых оконных рам и кедровые беседки взлетали в воздух, встречаясь друг с другом, а затем падали на землю и мечущихся андроидов. Позади Кешы, в зале, раздались громкие аплодисменты и азартные выкрики. Что кричали, он в наушниках не разобрал, но поморщился как от зубной боли. К его удивлению, на балконе показалась Варвара: женщина выглядела бледной и напуганной. Она закурила сигарету и передёрнула плечами:

– Бр-р-р... Никогда больше не пойду на эти шоу. Как думаешь, наше здание точно выдержит?

В этот момент стали складываться панельки, погребая под собою деревья, автомашины и жалкие фигурки андроидов. Одновременно с ними обрушились несколько труб промзоны и рухнул на дорогу мост автомобильной развязки. В зале восторженно заорали: на одной из дорог автобус чудом вынырнул из-под обвала, вильнул в сторону, уворачиваясь от летящей в него легковушки, и, выровнявшись, устремился из города. Симпатии зрителей разделились: одни болели за пассажиров и желали им выбраться, другие разочарованно выдохнули, когда автобус миновал очередное препятствие.

– Лавр! – нервно сжимая поручни балкона пальцами, заговорил Кеша. – Ты можешь взять под свой контроль водителя? Здесь есть общегородская транспортная сеть, я читал в описании. Из города им не выскочить, нужно искать бомбоубежище. Проанализируй карту.

– Попытаюсь, командор, – откликнулся Лавр.

– Я помогу, – поддержала его Фифи. – Найди бомбоубежище, а я справлюсь с автобусом.

Неожиданный рейд автобуса захватил зрителей настолько, что организаторы отложили последнюю стадию толчков. Опасностей и сейчас хватало: завалы, трещины, оползни, рухнувшие на дорогу дома. В небе над автобусом завис беспилотник, транслирующий события крупным планом.

– Нашёл! – не обращая внимания на азартный гомон сидящих в зале, сообщил Лавр. – Впереди, на расстоянии двухсот метров на карте 1962 года обозначено большое убежище. Перехвати беспилотник, мне нужно посмотреть, не завален ли там вход? Нет, всё в порядке, хорошо раньше строили, на века. Видите, это круглое массивное сооружение, почти вкопанное в землю? Вход в бомбоубежище, отпускай беспилотник, а то забеспокоятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.